

Валентина ФЕХНЕР

НА ЯЗЫКЕ КАТАСТРОФЫ

*засыпаем в разные сны
просыпаемся в один сон
Артур Аристакисян*

занавес стихотворения вспорот зрелищем речи
поэт потягиваясь слепотой продирает смерть
проигрывает не просохшие слезливые раны корриды слов
без сожаления кладет на весы войны

что перевесит ярость?
что переплачет смерть?

спи моя morg усни прежде отхода ко сну сын кладет под голову новый скелет
колыбельной
мама дай мне их всех близнецов хочу каждую ночь складывать свою голову за
каждого из них
вместо хлеба дай мне масштаб силу слова
однажды я проснусь за всех мертвецов с мирной улыбкой колыбельного разговора

ангелический убийца под нимбом младенца совершает
священный акт совокупления органом исторической памяти

и ослепленное млеко семени брезжит повсюду
оно вскормило взрастило тебя и меня

чье это семя? это твое семя? это мое семя? ты это семя? я это семя?

что-то из грязи из колосьев вылепило дитя и оно кричит и рыдает без сна

а когда нечаянно засыпает
семя впадает в припадок земли и грязи
мясник в люльке корриды только и шепчет что я м а г у м а м а м а г у
и речь красна стыдлива
и тряпка языка просыпается в провокацию в одно и то же стихотворение

Валентина Фехнер родилась в 1989 году в Донецке. Живет в Париже. Училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Гвидеон», «Кварта», «Волга», «Формаслов», «Дегуста», «Плавучий Мост», «Мета-журнал», «Изыян», «Прочтение», на портале «полутона» и других, переводились на сербский, французский и английский. Автор книги стихотворений «Око» (М.: Стеклограф, 2021).

гул облупления
разрумянец конец
разрутина начало
то ли насилие вызревания

язык облупленный вехой диалога на кострище речи
невеста разговора на mine замалчивания

это и есть теперь твоё стихотворение(?)

подорваться на чашечке слова
в чаду поэтической сирены самоповтора

но нищие труждающиеся и обремененные
ходят за черепа речь и месть

но коленопреклоненные кошмары
моя варварская мольба

подорваться на (по)пытке стихотворения

эксгумирую то ли воздеваю храм вопроса
а там
молчальная фреска-вывих
мироточивое проклятие

потому что одеждой умерших покрыто цветение

вижу

бутоны плакальщиц гроба

вижу

тряпье мысли сброшенное в общую могилу произнесенного слова

дочь вырвавшая язык матку самой себя
как отказ порождать ответы

мама я умолкла в тебе как маньяк вопроса перезрелый предел речи

но если бы я покрыла себя первым криком
галлюцинацией возможности разговора
шизофреническая голубица имен свила бы гнездо

вкруг предметов явлений
и мы бы высиживали слезинку дитятко оклика будней войн катастроф
вылупляя распущенные бутоны ножичков возвращенные
до слезливых ножей оправдания насилия вер идеологий

вижу

удавку сожаления на шее сердцебиения

вижу

ветошь наркотического ответа
рассеянные по земле останки нагого вопроса

вот и лечь на истертую мертвую речь
и вполлогоса вымолкнуть голую горечь увядший меч

а это будет текст пустой
болезнь строчки холостой
и рана капли дождевой
(не стать еще одной слезой
не стать еще одним пустым
стихотворением холостым)

но рана глубины такой
что не кровит уже – босой
идет по темноте косой
и труп прямой дороги
крадет себе под ноги

вот так вот на него и лечь
забывшись в то что было речь
и заговаривая горечь
пустым пустое жечь

II

пока в захлебе нашего крушения
игла погибельного продвижения
в ушко ныряла и прокалывала бездну
как водолаз во глубине беды
хватаясь за познание воды
но преломилась точно водный след
болящий то чего уже и нет

и если как и помнили его
то будто обреченное весло
гребущее в себя само
крушащее себя само

надрыв плода
и вьется паразит сердцебиения
в пыли дыхания
а что от яблони родимой осталось

отдышаться от семени
отрешиться родины
выжечь невозможность на линии огня
воды времени утопить в колосьях марсельского моря

сын на велосипеде зноя едет собирать яблоки
плоды лихорадит
заблудши в педалях потребности
он терпит крушение и растерянность кровит отовсюду

пустыми корзинами яблок червивые
мы тосковали по смерти как малые зерна пшеницы падшие в рану чужой земли,
но выжившие и оставшиеся одни

разрозненные как ссадины вещей
на теле времени

«...больше чем смерти я боюсь прошлого», -
сказал он, расчесывая червоточины часов, а потом надорвалось где-то
между словом и тьмой
...и вился логос дождевой и паразит прикорневой сточил словесность на покой
уродец боевой

на языке катастрофы:

и зерно голодает и кислород жаждет
и человек смертен и угасание разгорается иродом деторождения

эй мальчик в аскезе ребенка
эй юноша в газовой камере опыта
эй старик во з(о)ле потери

эй семя мое

смерть zaczynaет от тебя сердцебиение упокоя
но ты мой разбросанный камень слова умолкни вавилон утробы

на языке предела:

прородила троих живых сыновей ≈ одну мертвую дочь

первый сын – слепок пустых руин

второй сын – слово незрячих спин

третий сын – тайна выколотых причин

дочь называла надеждой
а после гибели – груди налились проклятием
и человечество прикладывалось к ним

окаменелое то ли
рутина прекрасная уже смердящая плакальщица слóва

пока причесывала прорезы будней
заправляла постели плача
пеленала древние колтуны разрушенных связей
хлебá насилия покачивая
две простыни истертые оскоминой стыда
игрушки сшитые для живых сыновей набитые грядущей погибелью
ты изорвал их в клочья мертворожденного лепета вырвал язык пророчества
не пыталась остановить только
холокост рутины стихотворения
наложила руки на речь

...как будто преломил слово и протянул уже холодный окаменелый язык
...бегом бросаться друг в друга останками галлюциногенных азбук
забивать прощание до новорожденного крика

тени аэродрома полет опадает багровый красный иссушенный машиной повтора
разрывая органы взлета падения небесной опоры...
что я делаю здесь на севере Ломбардии среди палящего пота Бергамо
в попытке выветрить духоту отчаяния...

но Икар уже разминает крыла катастрофы
но мой десятилетний сын Леонид уже завешивает окна своей комнаты простынями
последние три дня он отказывается принимать лекарства

